

ДИАХРОНИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ LV ВИНОГРАДОВСКИХ ЧТЕНИЙ)

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ВАЛЕНТНОСТЕЙ У ГЛАГОЛОВ-ЛИКВИДАТИВОВ С ПРИСТАВКОЙ РАЗ- В СИНХРОНИИ И БЛИЖАЙШЕЙ ДИАХРОНИИ

И.В. Мухачёва

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; itukhachyova@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются синтаксические свойства — преимущественно валентностные — нескольких глаголов со значением ликвидации результата действия с приставкой *раз-* в синхронии и ближайшей диахронии. Класс глаголов-ликвидативов достаточно обширен и поддается внутренней классификации. В настоящей работе внимание сосредоточено на глаголах из подкласса со значением ‘освободить от оболочки’: *раздеть, распеленать, раскутать, размотать, разуть*. Цель исследования — выявление того, отличалось ли синтаксическое поведение данных глаголов 150–200 лет назад от современного. В современном русском литературном языке рассматриваемые глаголы имеют особенности при реализации валентностей: ликвидативы *раздеть* и *разуть* обладают невыразимой валентностью Оболочки (**раздеть куртку*, **разуть сапоги*), а ликвидативы *распеленать, раскутать, размотать* не могут реализовать валентности Пациенса и Оболочки одновременно (**распеленать ребенка от шали* и т. п.). Проведенный анализ показал, что в ближайшей диахронии синтаксическое поведение только одного глагола — глагола *раздеть* — совпадало с современным. Другие рассмотренные ликвидативы были способны реализовывать все свои валентности одновременно («*Ее распеленали от овечьих шкур*» и т. п.).

Ключевые слова: глаголы со значением ликвидации результата действия; семантические валентности; невыразимые валентности; ближайшая диахрония; малые диахронические сдвиги; литературная норма современного русского языка

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-03-11

Для цитирования: Мухачёва И.В. Особенности реализации валентностей у глаголов-ликвидативов с приставкой *раз-* в синхронии и ближайшей диахронии // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 3. С. 117–133.

FEATURES OF THE REALIZATION OF VALENCES IN LIQUIDATIVE VERBS WITH THE PREFIX *RAZ-* IN SYNCHRONY AND THE NEAREST DIACHRONY

I.V. Mukhachjova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; imukhachyova@yandex.ru

Abstract: The article discusses the syntactic properties — mainly valency — of several verbs with the meaning of liquidation of the result of an action with the prefix *raz-* in synchrony and the nearest diachrony. The class of liquidative verbs is quite extensive and amenable to internal classification. In this paper, attention is focused on verbs from the subclass with the meaning of ‘to release from the cover’: to undress, to unwrap, to untangle, to unwind, to take off. The aim of the study is to identify whether the syntactic behavior of these verbs 150–200 years ago differed from the modern one. In the modern Russian literary language, the verbs in question have features in the implementation of valences: the liquidatives ‘to undress’ and ‘to take off’ have an inexpressible valence Shell (*to undress a jacket, *to take off boots), while the liquidatives ‘to unravel’, ‘to untangle’ and ‘to unwrap’ cannot realize the valence of the Patient and the Shell at the same time (*to unravel a child from a shawl, etc.). The analysis showed that that in the nearest diachrony, the syntactic behavior of only one verb — the verb ‘to undress’ — coincided with the modern one. Other liquidatives considered were able to realize all their valences at the same time (“She was unwrapped from sheep’s skins”, etc.).

Keywords: verbs with the meaning of liquidation the result of an action; semantic valences; inexpressible valences; nearest diachrony; small diachronic shifts; the literary norm of the modern Russian language

For citation: Mukhachjova I.V. (2025) Features of the Realization of Valences in Liquidative Verbs with the Prefix *raz-* in Synchrony and the Nearest Diachrony. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 117–133.

1. Обращение русистики к изучению ближайшей диахронии.

Русистика последних десятилетий при изучении современного состояния языка зачастую не ограничивается чисто синхронным описанием, а обращается к данным ближайшей диахронии. «В настоящее время в русистике обозначилось особое направление — изучение семантических и структурных изменений в языке, произошедших за последние 200 лет» [Падучева 2018: 50]. Малые диахронические сдвиги происходят в двух языковых сферах — грамматике и лексике. Однако, как справедливо замечает Е.В. Падучева, «в большинстве случаев мы имеем дело с конструкциями, где грамматика и лексика неразделимы, так что границы между этими двумя сферами не ясны» [Падучева 2018: 50].

Интерес современной русистики к процессам, происходившим в ближайшей диахронии, оказался предопределен развитием отече-

ственной лингвистической мысли. Выдающиеся русисты XX в. понимали необходимость исследования грамматических процессов, лексических изменений, сдвигов в словообразовательной системе, поскольку без тщательного анализа всего перечисленного невозможно сформировать представление о становлении литературной нормы современного русского языка.

По наблюдению Е.В. Рахилиной, «язык XIX века не так часто описывался системно» [Рахилина 2017: 362]. Одним из основополагающих трудов, в котором нашли отражение результаты исследования процессов, происходивших в русском языке XIX в., является пятитомное издание «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века». Оно объединяет пять коллективных монографий, изданных под редакцией академика В.В. Виноградова и доктора филологических наук Н.Ю. Шведовой в 1964 году.

Монография об изменениях в системе простого и осложненного предложения открывается статьей «От авторов». В ней сказано, что «в этих книгах — с разной степенью полноты описания — делается попытка охарактеризовать движение в разных сторонах грамматического строя и в системе словообразования, пути становления новой литературной нормы и выяснить основные тенденции развития категорий» [Изменения 1964: 5]. По мнению авторов, в течение XIX в. «постепенно, но неуклонно осуществлялись довольно заметные изменения в грамматическом строе языка» [Изменения 1964: 5], которые, однако, не могут быть правильно поняты без осмысления предшествующих процессов. Своеобразной отправной точкой, исходным периодом авторы считают язык второй половины и конца XVIII в.

Исследование ведется на материалах, извлеченных из текстов различных стилей и жанров, поскольку авторы убеждены, что изменения в грамматическом строе литературного языка «не могут изучаться в отрыве от тех живых стилистических движений и перемещений, которые столь характерны для его развития» [Изменения 1964: 6].

Признавая бесспорную лингвистическую ценность «Очерков», Е.В. Рахилина замечает, что у авторов «не было возможности проверить свои гипотезы по такому широкому материалу, который теперь предоставляет исследователю поиск в корпусе, в том числе исторический» [Рахилина 2017: 362].

Современные возможности способствуют достижению глобальной цели — описанию процесса формирования литературной нормы, которое возможно при тщательном и «точечном» анализе

отдельных грамматических категорий или даже грамем, словообразовательных моделей, лексико-семантических групп и т. п.

2. Постановка проблемы. В данной работе в центре внимания находится несколько лексем одного семантического класса — класса глаголов, обозначающих ликвидацию результата предшествующего действия и включающих в свой морфемный состав приставку *раз-*. Это глаголы *разгрузить*, *разбинтовать*, *растегнуть* и т. п. Для удобства и краткости мы называем их ликвидативами.

Ликвидативы — это довольно обширная семантическая группа глаголов, которая поддается внутренней классификации. Внутри этой группы можно выделить несколько классов: класс ликвидативов со значением ‘изменить форму’ (*развернуть ковер*, *раскрыть открытку* и т. п.), класс ликвидативов со значением ‘изменить нефизическое состояние’ (*расформировать полк*, *расторгнуть брак* и т. п.) и класс ликвидативов со значением ‘ликвидировать контакт’.

Класс ‘ликвидировать контакт’ — самый многочисленный и разнообразный. Внутри него можно разграничить следующие подклассы: подкласс ликвидативов со значением ‘ликвидировать контакт между предметами или частями предмета’ (*раскрыть зонтик*, *развязать шнурки* и т. п.); подкласс ликвидативов со значением ‘освободить от чего-либо’ (*разгрузить машину*, *раскупорить бутылку* и т. п.); подкласс ликвидативов со значением ‘нарушить целостность’ (*расплести косу*, *разбросать сугроб* и т. п.). В центре внимания в настоящей работе находятся глаголы из подкласса ‘освободить от чего-либо’, а именно ликвидативы, обозначающие освобождение от своеобразной оболочки, покрова: *раздеть*, *распеленать* и т. п.

Учитывая наличие синтаксических особенностей их устройства в современном русском языке (оговоримся, что мы рассматриваем современный русский язык в узком понимании — как язык текущего момента, то есть конца XX — первой четверти XXI вв.), о которых сказано ниже, интересно выявить, происходили ли какие-либо сдвиги в их синтаксическом поведении на протяжении последних двухсот лет. Материалом для исследования служат данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ) — его основного и панхронического подкорпусов.

3. Семантические и синтаксические свойства ликвидативов. Синтаксические особенности ликвидативов невозможно анализировать в отрыве от рассмотрения их семантики.

Большинство ликвидативов обозначают ситуации минимум с двумя или тремя обязательными участниками, следовательно, обладают как минимум двумя или тремя семантическими валентностями, благодаря которым потенциально способны присоединять к себе словоформы с соответствующими значениями. Так, ликви-

датель *разобрать* в значении ‘разъединить, разнять что-л. на составные части’¹ способен реализовать все три свои валентности — Агенса, Пациенса и Объекта (здесь под Объектом имеем в виду составные части, из которых состоит Пациенс и с которыми непосредственно взаимодействует Агенс):

(1) *Он² собственноручно разобрал дом по бревнышку*³ [А. Славовский, 1999].

Однако не все ликвидативы демонстрируют такое же синтаксическое поведение, как *разобрать*. Подобные глаголы приводятся в научной литературе, в частности в [Апресян 1995] как примеры слов с невыразимыми валентностями: «Регулярно остается невыраженной одна из валентностей некоторых антонимов со значением ликвидации результата действия. У глаголов типа *забинтовать* (*руку марлей*), *заворачивать* (*покупку в бумагу*), *завязывать* (*ящик веревкой*) имеется валентность средства-объекта, нереализуемая у их антонимов *разбинтовать* (*руку*), *разворачивать* (*покупку*), *развязывать* (*ящик*)» [Апресян 1995: 147].

Например, глагол *развернуть* (*покупку*) действительно иначе реализует свои валентности по сравнению с антонимичным ему *завернуть* (*покупку в целлофан*).

Завернуть способен присоединить зависимые, соответствующие всем трем своим валентностям — Агенса, Пациенса и Оболочки, что отражено в модели управления, представленной в табл. 1.

Таблица 1

Модель управления глагола *завернуть*

1. X = Агенс	2. Y = Пациенс	3. Z = Оболочка
1. S _{им}	1. S _{вин}	1. в S _{вин}
Обязательна	Обязательна	Обязательна

(2) *Он завернул сплюсненную банку в тряпочку и сунул ее в карман* [Ю. Коваль, 1972].

Развернуть же, по мнению Ю.Д. Апресяна, валентность Оболочки регулярно не реализует. Действительно, невозможны контексты типа **Он развернул банку из / от тряпочки*. Однако, на наш взгляд,

¹ Здесь и далее формулировки значений цитируются по «Словарю русского языка» в 4-х т. под ред. А.П. Евгеньевой — Малому академическому словарю (МАС).

² Здесь и далее подчеркиваются те словоформы, которые в приведенном контексте реализуют валентности рассматриваемого глагола.

³ Благодарим анонимного рецензента за указание на то, что предложно-падежная словоформа *по бревнышку* имеет здесь сложную (синкретичную) семантику. На наш взгляд, она не только обозначает те объекты, из которых состоял дом, но и выражает информацию о способе, с помощью которого дом был разобран.

это не свидетельствует о принципиальной невыразимости данной валентности.

Дело в том, что валентность Оболочки может быть выражена, только не одновременно с валентностью Пациенса. Иначе говоря, *развернуть* имеет две модели управления: с одной стороны, возможны контексты типа *Он развернул банку*, а с другой — *Он развернул тряпочку (и вынул банку)*. Модели управления ликвидатива *развернуть* и иллюстрации к ним приведены ниже.

Таблица 2

Модель управления-1 глагола *развернуть*

1. X = Агенса	2. Y = Пациенса	3. Z = Оболочка
1. S _{им}	1. S _{вин}	–
Обязательна	Обязательна	Невыразима

(3) *Девочки развернули наши бутерброды* [Л. Петрушевская, 2002].

Таблица 3

Модель управления-2 глагола *развернуть*

1. X = Агенса	2. Z = Оболочка	3. Y = Пациенса
1. S _{им}	1. S _{вин}	–
Обязательна	Обязательна	Невыразима

(4) *Тот развернул тряпицу, в ней было завернуто несколько листов бересты* [«Марийская правда», 2003].

Выбор того или другого способа реализации валентностей осуществляется говорящим в зависимости от того, на каком участнике ему важнее сделать смысловой акцент — на Пациенсе или на Оболочке. Для описания этого явления — отношения говорящего к тому или иному участнику ситуации — Е.В. Падучева использует термин «коммуникативный ранг». Коммуникативный ранг — «это прагматическая характеристика: она определяет участника через его отношение к фокусу внимания говорящего» [Падучева 2004: 58]. Если для говорящего участник важен, он помещает его в центр зоны внимания; если не очень важен — на периферию этой зоны; если совсем не значим — за пределы периферии, за кадр.

Учитывая понятие коммуникативного ранга, можно утверждать, что ликвидатив *развернуть* не имеет невыразимых валентностей.

Тем не менее некоторые ликвидативы действительно обладают невыразимыми валентностями. Среди глаголов со значением ‘освободить от чего-либо’ такую особенность имеет ликвидатив *раздеть*. Он не способен присоединить зависимое со значением Оболочки:

*Папа раздел майку; *Папа раздел ребенка от майки. Модель управления ликвидатива *раздеть* приведена в табл. 4.

Таблица 4

Модель управления глагола *раздеть*

1. X = Агенс	2. Y = Пациенс	3. Z = Оболочка
1. S _{им}	1. S _{вин}	–
Обязательна	Обязательна	Невыразима

(5) *Лешка раздел Алду, поставил на доски в летнем душе* [М. Трауб, 2011].

Одним словом, синтаксическое поведение ликвидативов представляет немалый интерес. Попытаемся рассмотреть его в синхронии и ближайшей диахронии на материале нескольких ликвидативов с общим компонентом значения ‘освободить от оболочки’: *раздеть, распеленать, раскутать, размотать, разуть*⁴.

4. Ликвидатив *раздеть*. Как уже говорилось, глагол *раздеть* в современном русском языке не способен присоединить зависимое со значением Оболочки, то есть обладает соответствующей невыразимой валентностью.

Данные панхронического подкорпуса НКРЯ фиксируют такое же синтаксическое поведение ликвидатива *раздеть* в конце XVIII и на протяжении XIX–XX вв. В примерах (6)–(9) *раздеть* демонстрирует возможность реализации только валентностей Агенса и Пациенса:

(6) *Наехали казаки, раздели Клейста и бросили в болото* [Н.М. Карамзин, 1793];

(7) *Старушка, моя няня, видя беду неминуемую, вдруг раздела меня донага* [Н.И. Греч, 1834];

(8) *Вошедшая в комнату женщины раздела ребёнка* [В.Ф. Одоевский, 1841];

(9) *Няня раздела полусонную девочку* [А.Н. Анненская, 1881].

Таким образом, на синхронном уровне и в ближайшей диахронии ликвидатив *раздеть* проявляет свои валентностные свойства одинаковым образом: обладает невыразимой валентностью Оболочки и реализует валентности Агенса и Пациенса.

Однако среди контекстов XIX века встретился один, в котором глагол *раздеть* подчиняет себе зависимое, невозможное в современ-

⁴ Для анализа в настоящей статье были выбраны данные глаголы, поскольку они обладают большой семантической общностью, обозначая ситуации, в которых существо или часть его тела освобождается от объекта, выполняющего согревающую или защитную функцию. Иными словами, выбранные ликвидативы можно считать семантической мини-группой внутри более обширной группы ликвидативов со значением ‘освободить от оболочки’.

ном русском языке. Это зависимое не связано с валентностными свойствами глагола — оно обозначает как бы степень раздетости:

(10) *Их выпустили на переговорах, раздели голыми, пустили бежать в разные стороны и перестреляли, как дичь* [А.С. Грибоедов, 1818].

В данном контексте представлена конструкция, в которой прилагательное *голыми* в форме творительного падежа зависит от глагола-сказуемого *раздели* и от опущенного здесь дополнения *их* (*раздели (их) голыми*) и обозначает свойство объекта, названного выпущенным дополнением.

Подобные конструкции, исследование которых ведется не одно десятилетие, называются депиктивными конструкциями, или депиктивами. В 1960-е гг. В.И. Борковским и П.С. Кузнецовым была предложена идея о том, что конструкция с творительным падежом предполагает «возникший и проявляющийся в течение определенного отрезка времени», а не постоянный признак [Борковский, Кузнецов 1965: 335].

Современные исследователи депиктивов — Е.В. Рахилина и Ю.Л. Кузнецова, — отталкиваясь от этой идеи, развивают ее. Они формулируют общую семантику депиктивных конструкций следующим образом: «субъект или объект в момент, описываемый предикатом V, характеризуется некоторым временным значением неустойчивого признака A'».

В таких конструкциях естественно ожидать глаголы с валентностью на переменный признак — глаголымены состояния (*стать* и т. п.) и глаголы оценочного восприятия действительности (*казаться, считаться* и т. п.). Ликвидатив *раздеть* не имеет валентности на переменный признак, однако он встретился в депиктивной конструкции. Это оказывается возможным, поскольку семантически *раздеть* содержит идею изменения состояния, а для депиктивной конструкции, по мнению Е.В. Рахилиной и Ю.Л. Кузнецовой, главное — «это возникновение некоторого значения признака, составляющего контраст с другим допустимым для него значением» [Кузнецова, Рахилина 2014: 201]. Для *раздеть* такими контрастными значениями признака выступают состояния ‘быть одетым’ — ‘быть голым’.

Признак оформлен прилагательным в форме творительного падежа. По наблюдению исследователей, «использование творительного падежа в депиктивной конструкции не случайно, а тесно связано со значением визуального восприятия, важного как для творительного падежа, так и для депиктивной конструкции» [Кузнецова, Рахилина 2014: 215].

Представляется, что идеи, высказанные Е.В. Рахилиной и Ю.Л. Кузнецовой, объясняют контекст (10): А.С. Грибоедов рисует картину «прилюдного» раздевания, раздевания на глазах у наблюдателя.

Тем не менее для современного русского языка употребление ликвидатива *раздеть* в депиктивных конструкциях кажется все же невозможным, но обнаруженный контекст интересен и для изучения ликвидативов, и для дальнейших размышлений над депиктивами.

5. Ликвидатив *распеленать*. Обратимся к ликвидативу *распеленать*. Модели управления этого глагола, актуальные для современного языка, представлены в табл. 5 и 6: в одной, помимо Агенса, выражается валентность Пациенса, а в другой — Оболочки.

Таблица 5

Модель управления-1 глагола *распеленать*

1. X = Агнс	2. Y = Пациенс	3. Z = Оболочка
1. S _{им}	1. S _{вин}	–
Обязательна	Обязательна	Невыразима

(11) *Лиза распеленала дочку* [С. Довлатов, 1983].

Таблица 6

Модель управления-2 глагола *распеленать*

1. X = Агнс	2. Z = Оболочка	3. Y = Пациенс
1. S _{им}	1. S _{вин}	–
Обязательна	Обязательна	Невыразима

(12) *Прямиком из Толедо он привез ее [картину] к Марго, и надо было видеть осунувшееся лицо бегемотихи, когда в подвале он распеленал старое полотно* [Д. Рубина, 2008–2009].

Контекст (12) — единственный в НКРЯ, иллюстрирующий вторую модель управления. Он представляется нам если не авторским, то, возможно, нарушающим норму, и заставляет задуматься, способен ли глагол *распеленать* реализовывать валентность Оболочки в принципе. Интересно, что МАС не фиксирует у глагола *распеленать* такого значения или употребления, которое реализовывалось бы во второй модели управления, отмечая только значение ‘вынуть из пеленок, освободить из пеленок’.

Поскольку все же контекст (12) обнаружен в НКРЯ, остановимся на том, что в современном языке валентности Пациенса и Оболочки у *распеленать* выражаются в двух разных моделях управления.

Обращение к ближайшей диахронии показывает, что, например, в XIX веке все валентности глагола *распеленать* были реализуемыми, причем они были способны реализоваться одновременно:

(13) *И только что ее раскутали, только что ее распеленали от оленьих шкур, как она бросилась к Юдику и пала на его раскрытую грудь* [К.Д. Носилов, 1899].

В примере (13) словоформа *ее* реализует валентность Пациенса, а предложно-падежная группа *от шкур* — валентность Оболочки. Подобная сочетаемость глагола *распеленать* для современного русского языка является ненормативной.

В этом же контексте имеется еще один ликвидатив со значением ‘освободить от оболочки’ — глагол *раскутать*.

6. Ликвидатив *раскутать*. Как и *распеленать*, *раскутать* в современном языке реализует свои валентности двумя способами. Две модели управления этого глагола представлены в табл. 7 и 8.

Таблица 7

Модель управления-1 глагола *раскутать*

1. X = Агенс	2. Y = Пациенс	3. Z = Оболочка
1. S _{им}	1. S _{вин}	–
Обязательна	Обязательна	Невыразима

(14) *Сошнин раскутал Светку, поставил кастрюльку с супом на плиту* [В. Астафьев, 1982–1985].

Таблица 8

Модель управления-2 глагола *раскутать*

1. X = Агенс	2. Z = Оболочка	3. Y = Пациенс
1. S _{им}	1. S _{вин}	–
Обязательна	Обязательна	Невыразима

(15) *Тут она разделась, раскутала платок и оказалась молодой* [Ю. Казаков, 1966].

В НКРЯ найдено только два контекста, иллюстрирующих вторую модель управления, что может заставить сомневаться в ее нормативности.

Обращение к МАСу подтверждает это предположение. Словарь фиксирует употребление глагола *раскутать*, в котором реализуется его вторая модель управления, но считает это употребление стилистически отмеченным, сопровождая его пометой разг.: «|| Разг. Снять с кого-, чего-л. что-л. закутывающее. *Раскутать шаль*. □ *Как я вздрогнул, с каким биением сердца вскочил и бросился ему на шею, не дав ему времени снять с себя шубу и раскутать шарф!* Тургенев, Яков Пасынков».

В качестве иллюстрации этого употребления в МАСе приведена цитата из текста И.С. Тургенева, которая обнаруживается и в НКРЯ

и свидетельствует о том, что в XIX веке, вероятно, глагол *раскутать* присоединял к себе зависимое со значением Оболочки.

Итак, ликвидатив *раскутать* в синхронии и ближайшей диахронии реализует свои валентности в двух моделях управления, однако присоединение зависимого со значением Оболочки для современного русского языка является возможным только в разговорной речи.

Ниже представлены еще два контекста первой трети XX века с глаголом *раскутать*, которые показывают, что в качестве Пациенса в данной ситуации может выступать не объект целиком, а какая-то его часть, чаще всего — часть тела человека:

(16) *Он раскутал ноги и, опираясь на палку, вошел в комнату* [А. Виноградов, 1932].

(17) *Наконец он очутился в каком-то подземелье. Тут ему голову раскутали* [А.И. Красницкий, 1902].

В примере (17) *раскутать* подчиняет себе две словоформы: *ему* обозначает Пациенса, а *голову* — часть Пациенса. Иначе говоря, происходит расщепление валентности Пациенса на часть и целое.

Такую особенность синтаксического поведения демонстрирует не только ликвидатив *раскутать*, но и, например, ликвидатив *размотать*.

7. Ликвидатив *размотать*. В современном языке он может присоединять зависимые со значением Оболочки и Пациенса, однако не одновременно. Две модели управления глагола *размотать* представлены в табл. 9 и 10.

Таблица 9

Модель управления-1 глагола *размотать*

1. X = Агнс	2. Z = Оболочка	3. Y = Пациенс
1. S _{им}	1. S _{вин}	–
Обязательна	Обязательна	Невыразима

(18) *Высотин размотал портянки и остался на нарах* [В. Астафьев, 2015].

Таблица 10

Модель управления-2 глагола *размотать*

1. X = Агнс	2. Y = Пациенс	3. Z = Оболочка
1. S _{им}	1. S _{вин}	–
Обязательна	Обязательна	Невыразима

(19) *Когда утром я размотал руку, то увидел три чуть заметных полосы поперек ладони* [В. Левенталь, 2012].

Отметим, что, в отличие от других рассмотренных ликвидативов этой группы, *размотать* чаще реализует валентность Оболочки, чем валентность Пациенса. Эта синтаксическая особенность обусловлена семантическим устройством данного глагола. В качестве толкования основного интересующего нас значения МАС приводит такое: ‘развить, раскрутить что-л. намотанное, смотанное’, а в качестве оттенка значения — ‘освободить от того, чем замотано’.

Синтаксическое поведение ликвидатива *размотать* в ближайшей диахронии несколько отличается от современного. Контексты (20)–(24) демонстрируют, что *размотать* мог реализовать валентности Пациенса и Оболочки одновременно:

(20) *Господин скинул с себя картуз и размотал с шеи шерстяную, радужных цветов косынку* [Н.В. Гоголь, 1842];

(21) *Он размотал с шеи вязанный шарф* [А.К. Шеллер-Михайлов, 1868];

(22) *Он размотал тряпки на своих ступнях* [Г.П. Данилевский, 1885];

(23) *Пахом совал ему в нос табак, тертый чемеричный корень или, размотав оборку на ноге и привязав ее концом к столу, орал над ухом* [И.Е. Вольнов, 1912];

(24) — *Прямо несчастье с ними, — продолжала старушка, размотав с головы платок* [Пантелеймон Романов, 1920].

Как показывают примеры (20)–(24), валентность Пациенса у *размотать* могла быть реализована двумя разными способами: предложно-падежной группой *с* + родительный падеж или предложно-падежной группой *на* + предложный падеж.

Нужно отметить, что подобные контексты — с одновременным выражением Пациенса и Оболочки — обнаруживаются и в синхронии:

(25) — *Алла размотала с шеи шарф: ей стало жарко* [А. Беляков, 1998];

(26) *Соседские девчонки, прибегая поиграть, обряжали ее царицей, навешивали на нее полотенце, сухой травы, цепляли ей ее медали, надевали, размотав платки с маслянистой, как чеснок, облысевшей головки, картонный кокошник* [О. Славникова, 1995–1999].

На наш взгляд, подобное употребление глагола *размотать* дает не вполне стилистически нейтральные контексты — скорее, разговорные и, возможно, не вполне нормативные.

8. Ликвидатив *разуть*. Перейдем, наконец, к анализу ликвидатива *разуть*.

В современном языке *разуть* не способен реализовать валентность Оболочки, то есть синтаксически подчинить себе слово со

значением снимаемой обуви. Единственный способ реализации валентностей этого глагола представлен в табл. 11.

Таблица 11

Модель управления глагола *разуть*

1. X = Агенс	2. Y = Пациенс	3. Z = Оболочка
1. S _{им}	1. S _{вин}	–
Обязательна	Обязательна	Невыразима

(27) *Тебя бабушка разует, киселя даст* [В. Белов, 1968].

Синтаксическое поведение глагола *разуть* в ближайшей диахронии отличается от современного.

Во-первых, в панхроническом подкорпусе НКРЯ обнаруживается относительно немало контекстов конца XVIII–XIX веков, в которых *разуть* присоединяет слово *нога*, то есть Пациенс оказывается назван по своей части:

(28) *Каинъ прежде встѣхъ влѣзъ на окно, и стѣвши на ономъ, разуль свои ноги* [М. Комаров, 1779];

(29) *Одну ножку разула — Васильюшкой назвала, а другую-то разула — Борисычем* [П.И. Мельников-Печерский, 1871–1874].

Во-вторых, попадают контексты, в которых Пациенс оказывается расщеплен на часть и целое:

(30) *Один из сторожей выворотил карманы арестанта и приказал разуть ему ноги* [В.В. Крестовский, 1864];

(31) *Сядьте на кроватку, я вам разую ножки* [А.Н. Анненская, 1881].

В примере (30) Пациенс назван словоформой *ему*, его часть — словоформой *ноги*; в примере (31) Пациенс обозначен словоформой *вам*, его часть — словоформой *ножки*.

В-третьих, материалы НКРЯ показывают, что в XIX и XX вв. ликвидатив *разуть* реализовывал валентность Оболочки:

(32) *Она молча сняла зипун, разула лапти* [И.Е. Вольнов, 1912];

(33) *Отец разул один стоптанный грязный сапог* [А. Веселый, 1921].

В-четвертых, глагол *разуть* был способен реализовывать валентности Пациенса и Оболочки одновременно, причем валентность Пациенса — разными способами:

(34) *И сапожки-то не разуть ли с вас?* [А.И. Эртель, 1889];

(35) *Анена разула лапти мужу* [К. Петров-Водкин, 1930].

В контексте (34) валентность Пациенса реализована предложно-падежной формой *с вас*, в контексте (35) — формой дательного падежа *мужу*.

Таким образом, глагол *разуть* в конце XVIII, на протяжении XIX и XX вв. синтаксически был способен подчинить зависимые, соответствующие всем его семантическим валентностям, причем разными способами, в том числе одновременно.

Среди современных примеров употребления этого глагола тоже обнаруживаются такие, в которых он реализует валентность Обо-
лочка:

(36) — *Есть возвратить самому!* — повторил я и обернулся к око-
ну: — *Разуть валенки-и!* [К. Воробьев, 1962];

(37) *Только я один сапог разул, моя говорит: «Кузя, Кузя, мне надо в женсовет, у нас бубновское движенье»* [В. Белов, 1969];

(38) *Сонька туфли разула* [С. Довлатов, 1984].

Однако подобные употребления кажутся разговорными или даже просторечными, нарушающими литературную норму. Интересное подтверждение этого содержится в книге К.И. Чуковского «Живой как жизнь. О русском языке»: «Руки опускаются, — пишет мне сельская учительница Ф.А. Шарабанова. — Как ни толкую ребятам, что нельзя говорить *сколько время, моё фамилие, десять курей, он пришел со школы, я раздел сапоги*, они упорно не желают расстаться с этими ужасными словами. Неужели не существует каких-нибудь способов сделать речь молодого поколения культурной?» [Чуковский 2022: 247]. Безусловно, здесь вместо глагола *раздел* можно мыслить ликвидатив *разул*: *разул сапоги* звучит ничуть не лучше, чем *раздел сапоги*.

Таким образом, сочетаемость по валентностям глагола *разуть* значительно изменилась за последние 150–200 лет. В XXI в. реализация у него валентности Оболочки невозможна с точки зрения норм литературного языка.

9. Выводы. Итак, рассмотрение ликвидативов со значением ‘освободить от оболочки’ в синхронии и ближайшей диахронии позволяет выявить изменения в их синтаксическом поведении, связанном с реализацией валентностей.

Только у одного из рассмотренных глаголов — у глагола *раздеть* — не было обнаружено изменений в синтаксическом поведении: на протяжении последних 200–250 лет он обладает невыразимой валентностью Оболочки (**раздеть платье, *раздеть от платья*).

Три других ликвидатива — *распеленать, раскутать, размотать* — в современном русском языке способны реализовать валентности Пациенса и Оболочки в двух разных моделях управления (правда, у *раскутать* реализация валентности Оболочки возможна

только в разговорной речи, а нормативность контекстов с *распеленать*, в которых реализована эта валентность, вызывает сомнения). В то время как в ближайшей диахронии эти глаголы, за исключением *раскутать*, были способны реализовывать все свои валентности одновременно.

Больше всего различий обнаружено в синтаксическом поведении глагола *разуть*. В современном литературном языке он не способен реализовать валентность Оболочки: **разуть сапоги*. Обращение к текстам XIX и XX вв. показало, что все свои валентности ликвидатив *разуть* реализовывал, в том числе и в одном контексте сразу.

В целом же представляется, что синтаксическое поведение ликвидативов в ближайшей диахронии было более «разнообразным», пестрым, индивидуальным. В современном языке оно как бы выравнивается: у многих ликвидативов валентности реализуются не одновременно, а в двух разных моделях управления, при этом зачастую одна из моделей управления попадает под запрет литературной нормы, является стилистически отмеченной.

Такое синтаксическое поведение глаголов, отражающееся в словосочетаниях с ними, является продолжением той тенденции, о которой писали в предисловии авторы одной из монографий пятидесятника. По их мнению, на протяжении XIX в. интенсивно протекал «процесс унификации организуемых категориально различными словами моделей под влиянием словообразовательных и семантических связей стержневых компонентов» [Изменения в словосочетании 1964: 12]. Иными словами, словосочетания со стержневыми словами, сходными словообразовательно или семантически, начинали организовываться единообразно, даже если эти слова принадлежали разным частям речи.

Кроме того, «не менее важные и, может быть, более глубинные изменения происходили под влиянием связей семантических: словосочетания со стержневым словом, относящимся к той или иной семантической группе, в своем втором компоненте «подравнивались» к моделям других типов, организуемым словами других категорий, но тех же семантических рядов» [Изменения в словосочетании 1964: 12].

Иными словами, авторы монографий под ред. В.В. Виноградова уже 60 лет назад говорили о связи синтаксиса с семантикой, об их взаимовлиянии и взаимодействии. Эти идеи подтверждает рассмотренный в данной статье материал. Они звучат очень современно, пересекаясь с теоретическими воззрениями Московской семантической школы, представители которой считают, что слова одной семантической группы обладают сходным синтаксическим поведением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика. М., 1995.
2. Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 1965.
3. Изменения в системе простого и осложненного предложения. Под ред. В.В. Виноградова и Н.Ю. Шведовой. М., 1964.
4. Изменения в системе словосочетаний. Под ред. В.В. Виноградова и Н.Ю. Шведовой. М., 1964.
5. Кузнецова Ю.Л., Рахилина Е.В. Депиктивы оказались удивительными // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. X. Ч. 2. С. 180–219.
6. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
7. Падучева Е.В. Из наблюдений над языком Л. Толстого (к вопросу о малых диахронических сдвигах) // Вопросы языкознания. 2018. № 5. С. 49–63.
8. Рахилина Е.В. Говорю я, Карл // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам международной конференции «Диалог'2017». Вып. 16 (23). С. 361–369.
9. Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т русского языка; под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984.
10. Чуковский К.И. Живой как жизнь. О русском языке. М., 2022.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 21.06.24).

REFERENCES

1. Apresian Ju.D. *Izbrannnye trudy, tom I. Leksicheskaja semantika* [Selected works. V. I. Lexical semantics]. Moscow, *Vostochnaja literatura RAN Publ.*, 1995. 472 p. (In Russ.)
2. Borkovskii V.I., Kuznetsov P.S. *Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka* [Historical grammar of the Russian language]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1965. 554 p. (In Russ.)
3. *Izmenenija v sisteme prostogo i oslozhnennogo predlozhenija* [Changes in the system of simple and complicated sentences]. Ed. V.V. Vinogradov, N.Ju. Shvedova. Moscow, *Nauka Publ.*, 1964. 503 p. (In Russ.).
4. *Izmenenija v sisteme slovosocetaniij* [Changes in the system of phrases]. Ed. V.V. Vinogradov, N.Ju. Shvedova. Moscow, *Nauka Publ.*, 1964. 304 p. (In Russ.).
5. Kuznecova Ju.L., Rahilina E.V. *Depiktivy okazalis' udivitel'nyymi* [The depictives turned out to be amazing]. ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanij RAN. Saint Petersburg, *Nauka Publ.*, 2014. 776 p. (In Russ.)
6. Paducheva E.V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of lexic]. Moscow, *Jazyki slavjanskikh kul'tur Publ.*, 2004. 608 p. (In Russ.)
7. Paducheva E.V. *Iz nabljudenij nad jazykom L. Tolstogo (k voprosu o malyh diahronicheskikh sdvigah)* [From observations on the language of L. Tolstoy (on the issue of small diachronic shifts)]. *Voprosy jazykoznanija*, 2018, №5, pp. 49–63 (In Russ.)
8. Rahilina E.V. *Govorju ja, Karl* [I say, Carl]. *Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii. Po materialam mezhdunarodnoj konferencii «Dialog'2017»*. No. 16 (23). Moscow, *Russian State Univ. for the Humanities*, 2017, pp. 361–369.

9. *Slovar' russkogo jazyka: V 4 t.* [Dictionary of Russian language. In 4 vols.]. AN SSSR, In-t russkogo jazyka, ed. A.P. Evgen'eva. Moscow, *Russkij jazyk Publ.*, 1981–1984. (In Russ.).
10. Chukovskij K.I. *Zhivoj kak zhizn'. O russkom jazyke* [Alive as life. About the Russian language]. Moscow, *AST Publ.*, 2022, 320 p.

Поступила в редакцию 07.08.2024
Принята к публикации 22.04.2025
Отредактирована 30.04.2025

Received 07.08.2024
Accepted 22.04.2025
Revised 30.04.2025

ОБ АВТОРЕ

Мухачёва Ирина Валерьевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка МГУ имени М.В. Ломоносова; imukhachyova@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Muhachjova — PhD, Senior Teacher, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; imukhachyova@yandex.ru